

На правах рукописи

Шамин

Шамин Степан Михайлович

**ИНОСТРАННАЯ ПРЕССА И РУССКАЯ КУЛЬТУРА
КОНЦА XV – НАЧАЛА XVIII СТОЛЕТИЯ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2020

Работа выполнена в Центре по изучению отечественной культуры Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт российской истории Российской академии наук

Официальные оппоненты: **АРАКЧЕЕВ Владимир Анатольевич**, доктор исторических наук, директор Российского государственного архива древних актов

ЛЮСТРОВ Михаил Юрьевич, доктор филологических наук, профессор РАН, заведующий Отделом древнеславянских литератур Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

СИРЕНОВ Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Санкт-Петербургского Института истории РАН

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Библиотека Российской академии наук

Защита состоится « ____ » _____ 2021 г. в 11.00. на заседании диссертационного совета Д.002.018.01, созданного на базе ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук по адресу: *117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19 (ауд. 2).*

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук по адресу: *117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19* и на сайте ИРИ РАН: <http://www.iriran.ru>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических

наук И.А. Устинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Диссертация посвящена проблеме влияния иностранной прессы на русскую культуру и общество конца XV – начала XVIII столетия (в период перехода от Средневековья к раннему Новому времени). В это время Россия встраивалась в общеевропейскую систему обмена информацией. В настоящий период мир переживает очередную информационную революцию, связанную с появлением Интернета, идет процесс формирования информационного общества. Этот процесс имеет многообразные сложные последствия для развития национальных культур и самосознания людей. Изучение информационной революции раннего Нового времени важно для понимания перспектив развития протекающих ныне процессов. Большую роль в информационной революции раннего Нового времени сыграли составлявшие в Посольском приказе русскоязычные обзоры иностранной прессы (куранты), находящиеся в центре внимания данного исследования.

Объектом исследования являются процессы проникновения иностранной прессы в Московское государство и их влияние на становление в стране культуры Нового времени, а его **предметом** – переводы европейской прессы, вошедшие в состав приказной документации и рукописные книги.

Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины XV столетия, когда в Московском государстве начали переводить западные вестовые материалы – до начала XVIII вв., когда в России появилась собственная пресса.

Степень разработанности темы

Анализируя историографию изучаемой проблемы¹, следует отметить, что она долгое время была крайне раздроблена. Ос-

---

¹ Подробную библиографию см.: *Шамин С.М.* Иностранная пресса в допетровской России (история изучения и современное состояние проблемы) // Проблемы Российской истории. Вып. IV. Магнитогорск, 2004. С. 196–214; *Шамин С.М.* Переводы иностранной прессы в русской книжной рукописной традиции до начала XVIII века: история изучения // Российская история. 2009. № 2. С. 3–14.

новное внимание исследователи уделяли документам, хранящимся в современном 155 фонде РГАДА, которые долгое время ошибочно считались первой русской газетой.

Исследование материалов 155 фонда РГАДА началось в 1827 г., когда на них обратил внимание сотрудник МГАМИД А.Я. Булгаков². Он имел дело уже не с исторически сложившимся архивом XVII в., а с тем фондом, который на рубеже XVIII и XIX столетий сформировали сотрудники МГАМИД не только из курантов, но и из других вестовых материалов. Статья Булгакова была написана как ответ на библиографический вопрос: «в котором году прошедшего столетия начались издаваться С. Петербургские Ведомости»? К сожалению, автор, хотя и был сотрудником архива, навыками исторического исследования не обладал. Он представил читателям разнородные по своему происхождению материалы в качестве рукописных «Ведомостей».

Ошибка Булгакова прочно закрепилась в литературе, поскольку обращавшиеся к курантам исследователи долгое время не имели доступа в МГАМИД и пользовались статьей Булгакова в комплексе с документами, случайно оказавшимися вне основного архивного фонда. В различных публикациях появилось устойчивое отношение к материалам 155-го фонда РГАДА, как к рукописной газете. Окончательно эти ошибочные представления утвердились уже в советской науке в годы борьбы с космополитизмом, когда история прессы оказалась на «переднем крае» идеологических сражений³.

Последствия борьбы с «космополитизмом и низкопоклонством перед Западом» продолжали оказывать негативное влияние на науку даже десятилетия спустя после завершения самой кампании. В 1970-х гг. сотрудниками Института русского языка АН СССР было начато продолжающееся до сегодняшнего дня издание под названием «Вести-Куранты» (пер-

---

² Булгаков А.Я. Ответ на библиографический вопрос // Московский телеграф. 1827. Ч. 16. № 13. С. 5–33.

³ Марлинский С.Я. Первая допетровская рукописная газета // Исторический журнал. 1954. № 5. С. 74, 75; Томсинский С.М. Первая печатная газета России (1702–1727 гг.). Пермь, 1959. С. 4–16.

вый том вышел в 1972 г.)⁴. Материалы фонда 155 РГАДА продолжали восприниматься как единый архив, а вестовые документы в других фондах архива – как его отколовшиеся части. Публикаторы обратили внимание на то, что в материалах фонда 155 РГАДА за первую половину XVII в. слово куранты не используется. С другой стороны, в делах фонда за последние десятилетия XVII в. практически отсутствуют какие-либо вестовые материалы, кроме курантов. Такое положение дел отразилось в названии издания – «Вести-Куранты». Оно оказалось очень удачным, поскольку четко отразило разнородность материалов публикуемого архивного фонда.

Спустя год после выхода первого тома «Вестей-Курантов» появилась рецензия Д.К. Уо. Положительно оценив публикацию в целом, Уо отметил отсутствие четких принципов отбора материала для издания, часть из которых (к примеру, сообщения агентов, таких как И. Масса и М. Бекман) не являются переводами иностранной прессы. Возможность решить вопрос о том, что же все-таки считать курантами, исследователь совершенно справедливо видел в обращении к описаниям архивного комплекса приказа Тайных дел. Отметил Уо и необходимость подробного источниковедческого исследования публикуемых материалов⁵. К сожалению, вышедшая на западе рецензия некоторое время оставалась вне поля зрения советских ученых. К началу 1980-х гг. лингвисты все еще были уверены, что издают рукописную газету, материалы для которой отбирались из широкого круга источников⁶.

В 1980-х гг. независимо от Уо проблемами бытования иностранной прессы в России занималась Е.И. Кобзарева. В 1988 г. исследовательница защитила диссертацию «Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского прика-

---

⁴ Вести-Куранты. 1600–1639 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина / Под ред. С.И. Коткова. М., 1972.

⁵ *Waugh D.C. Vesti-Kuranty 1600–1639. Moscow 1972 // Kritika. A review of current Soviet books on Russian history. 1973. 10:3. P. 104–120.*

⁶ *Волгетерский В.П.* Рец. на кн.: Вести-куранты 1642–1644 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянков, А.И. Сумкина, под ред. С.И. Коткова. М., 1976 // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1980. Т. 39. № 4. С. 382–385.

за XVII века». Она провела источниковедческое исследование материалов 155 фонда. Работа Кобзаревой позволила говорить о курантах, как об уникальном явлении. Ее исследование стало принципиально новым этапом в изучении курантов, однако оно долгое время не привлекло внимания ученых, поскольку из печати вышла лишь одна статья Кобзаревой – «Организация в России XVII в. сбора информации о западноевропейских событиях», где о курантах упоминается очень кратко⁷.

Важную роль в изучении курантов сыграла профессор Уппсальского университета И. Майер⁸. С начала 2000-х гг. она приняла участие в издании «Вестей-Курантов»⁹. Благодаря наблюдениям Майер над иностранными оригиналами русских курантов, стала очевидной правильность выводов Д.К. Уо и Е.И. Кобзаревой. Это дало толчок к дальнейшим плодотворным исследованиям курантов и иных русских переводов иностранной прессы.

При изучении переводов иностранной прессы, вошедших в русскую книжность, исследователи первоначально обращали внимание на историю отдельных текстов, многие из которых имеют обширную историографию. Самым ранним примером комплексного рассмотрения интересующей нас группы текстов стало исследование А.Н. Попова о хронографах русской редакции (1869 г.). Анализируя Хронограф 1696 г., он обнаружил среди дополнений к хронографическому тексту грамоты турецкого султана¹⁰. Обращались исследователи и к иным тек-

---

⁷ Кобзарева Е.И. Организация в России XVII в. сбора информации о западноевропейских событиях // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1988. № 3. С. 13–21.

⁸ В числе ее работ по интересующей нас тематике см.: *Maier I.* «Pressmeddelanden till ryske tsaren under trettiöåriga krigets tid» // Kultur och samhälle i språkets regi. Uppsala, 1999. S. 83–94 и др.

⁹ Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1 / Изд. подгот. В.Г. Демьяновым при участии И.А. Корниловой. Завершение работы над изд. и подгот к печати: Е.А. Подшивалова, С.М. Шамин. Под ред. А.М. Молдована и Ингрид Майер. М., 2009; Майер И. Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Ч. 2. Иностранные оригиналы к русским текстам. М., 2008 (далее В-К VI. Ч. 2.); Вести-Куранты. 1671–1672 гг. / Подгот. текстов, исслед., коммент., указатели И. Майер, С.М. Шамин, А.В. Кузнецова, И.А. Корнилова, В.Б. Крысько при участии Е.В. Амановой; под ред. В.Б. Крысько и И. Майер. М., 2017.

¹⁰ Попов А. Обзор хронографов русской редакции. Вып. 2. М., 1869. С. 201, 227, 228.

стам, однако систематически рассмотреть переводы европейской прессы, вошедшие в русскую книжность, не пытались.

Важным этапом в обобщении материала стал вышедший на рубеже XIX и XX столетий обзорно-справочный труд А.И. Соболевского «Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков», где в разделе «Летучие листки и газетные статьи» систематизированы сведения об интересующих нас сочинениях, вошедших в рукописную традицию¹¹. Значение работы Соболевского трудно переоценить. Под его влиянием в Петербурге возникло целое направление изучения Интересующих нас сочинений.

Одним из таких исследователей стала В.П. Адрианова-Перетц. В 1915 г. была опубликована ее статья «К истории легенды о странствующем жиде в старинной русской литературе», посвященная переводу памфлета об Агасфере¹². В 1936 г. вышла ее статья о переводных памфлетах XVIII в.¹³ Опираясь на Соболевского, она также написала посвященный переводной литературе конца XV – начала XVI в. раздел для вышедшей в 1945 г. «Истории русской литературы»¹⁴, а в 1948 г. опубликовала работу «Юмористические куранты»¹⁵. Исследования велись не только в Ленинграде. Л.В. Черепнин в статье 1945 г. занимался выявлением в летописании документов, которые могли быть связаны с деятельностью Посольского приказа, в том числе материалов курантов и летучих листков (с опорой на работу Соболевского)¹⁶.

---

¹¹ Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 45, 46, 233–252.

¹² Адрианова-Перетц В.П. К истории легенды о странствующем жиде в старинной русской литературе // ИОРЯС. 1915. Т. 20. Кн. 3. С. 217–232.

¹³ Адрианова-Перетц В.П. Образцы общественно-политической пародии XVIII – начала XIX в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 3. М.; Л., 1936. С. 335–366.

¹⁴ История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. Литература 1220-х–1580-х гг. / Под ред. А.С. Орлова, В.П. Адриановой-Перетц и Н.К. Гудзия. М.; Л., 1945. С. 286–290, 292–298.

¹⁵ Адрианова-Перетц В.П. Юмористические куранты // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А.И. Герцена. Вып. 67. Кафедра русской литературы. Л., 1948. С. 48–56.

¹⁶ Черепнин Л.В. «Смута» и историография XVII века // Исторические записки. Т. 14. М., 1945. С. 91–127.

Однако в более поздних работах Адриановой-Перетц и Черепнина тема переводных статей в русской книжности исчезает. Развитию научных исследований помешала начавшаяся борьба с космополитизмом. На какое-то время исследование переводных памятников стало возможным лишь в контексте борьбы за их «национальное» происхождение. По этому пути пошла М.Д. Каган, входившая, так же, как и Адрианова-Перетц, в круг ленинградских литературоведов. В 1950 – 1960-х гг. Каган много сделала для изучения текстов турецкой тематики. Ее стараниями в научный оборот были введены новые списки, проделана большая текстологическая работа¹⁷.

Хрущевская оттепель сделала возможным возвращение к исследованию переводных произведений. Сотрудница Института русской литературы (Пушкинский Дом) Р.П. Дмитриева посвятила специальную монографию «Повести о споре жизни и смерти» (1964 г.). Любопытно, что во введении Дмитриева обращается к Адриановой-Перетц: «Приношу искреннюю и сердечную благодарность В.П. Адриановой-Перетц за большую помощь, великодушно оказанную при написании настоящей работы»¹⁸. Таким образом, Адрианова-Перетц, лично сделавшая для исследования интересующей нас темы меньше, чем могла бы, оказалась тем «мостом», который связывал лучшие дореволюционные исследовательские традиции с советской научной школой.

Сложившаяся в 1960-х гг. международная политическая обстановка способствовала возникновению тесных международных научных контактов. В Ленинград стали приезжать иностранные ученые, в том числе упоминавшийся выше американский ученый Д.К. Уо¹⁹. Предметом его исследований стала подложная переписка турецкого султана. В течение 1970-х гг. он подготовил ряд работ, среди которых книга и диссертация.

---

¹⁷ Каган М.Д. Русская версия 70-х гг. XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 14. М.; Л., 1958. С. 309–315 и др.

¹⁸ Дмитриева Р.П. Повести о споре жизни и смерти. М.; Л., 1964. С. 9.

¹⁹ Уо Д. Увлечения юности и к чему они привели // *Quaestio Rossica*. 2014. № 2. С. 36–62; № 3 С. 33–54; *Waugh D.* The enthusiasms of youth and where they led: a memoir [continuation] // *Quaestio Rossica*. 2014. № 2. С. 19–35; № 3. С. 19–33.

Уо установил, что русские версии рассматриваемых текстов являются переводами, составлявшими небольшую часть обширной общеевропейской «turcsica»²⁰. В 1980-х гг. появлялись также и другие публикации, так или иначе связанные с темой данного исследования. Это труды Н.А. Казаковой, касающиеся известий о Западной Европе в русской письменности XV–XVI вв.²¹, а также исследования С.И. Николаева, посвященные польско-русским литературным связям XVI–XVIII вв.²²

С 2000-х гг. исследование русских переводов европейской прессы переживает небывалый подъем. Большую роль в этом процессе играют работы Д.К. Уо²³ и И. Майер²⁴. Более десятка важных для данной работы публикаций вышли из-под пера литературоведа С.В. Алпатова. В своем диссертационном исследовании 2018 г. исследователь предпринял попытку проследить путь попадавших в Россию европейских сатирических текстов от момента их перевода до ухода в народный фольклор. Оказалось, что этот процесс может растягиваться на столетия. Нарботки Алпатова широко использовались при подготовке данного исследования²⁵.

В последнее время интереснейшие фактографические находки были сделаны А.В. Сириновым²⁶, Ю.С. Белянкиным²⁷,

---

²⁰ *Waugh D.C.* On the Origin of the 'Correspondence' between the Sultan and the Cossacks // *Recenzija: A Review of Soviet Ukrainian Scholarly Publications.* 1971. № 1–2. P. 3–46 и др.

²¹ *Казакова Н.А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории литературных связей России. Л., 1980.

²² *Николаев С.И.* Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: библиографические материалы. СПб., 2008.

²³ *Уо Д.К.* История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. СПб., 2003; *Waugh D. C.* The Great Turkes Defiance Revisited // *Slověne.* 2019. Vol. 8. № 1. P. 163–187 и др.

²⁴ *Maier I.* Newspaper Translations in Seventeenth-Century Muscovy. About the Sources, Topics and Kuranty «Made in Stockholm» (1649) // *Explorare necesse est. Hyllningsskrift till Barbro Nilsson.* Stockholm, 2002. P. 181–190 и др.

²⁵ *Алпатов С.В.* Переводные памфлеты в русской рукописной и фольклорной традиции XVIII–XX вв.: дис. ... докт. фил. наук. М. 2018.

²⁶ *Сиринов А.В.* Приписки на полях «Летописца о небесных явлениях» // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции. М., 2016. С. 458–460.

²⁷ *Белянкин Ю.С.* «Указ салтана турского»: к истории европейского памфлета в России // Румянцевские чтения – 2016. Материалы международной научно-практической конференции Российской государственной библиотеки, (12–13 апреля 2016) / сост. Е.А. Иванова. М., 2016. С. 66–70.

А.Г. Сергеевым²⁸, И.А. Поляковым²⁹, Т.А. Базаровой³⁰, А.Г. Гуськовым³¹ и другими исследователями. Таким образом, изучаемая нами тема в настоящее время привлекает внимание многих российских и зарубежных исследователей.

Цель исследования состоит в том, чтобы комплексно проанализировать феномен бытования в России конца XV – начала XVIII столетия иностранной прессы и определить связь этого явления со становлением культуры Нового времени.

Задачи исследования:

1) Выявить в источниках материалы, отражающие процесс проникновения в Московское государство иностранной прессы.

2) Определить пути проникновения иностранной прессы в Россию и проследить практику использования и хранения материалов иностранной прессы на разных исторических этапах.

3) Установить круг людей, которым была доступна иностранная пресса.

4) Выявить причины, которые побудили российское правительство организовать регулярное составление обзоров иностранной прессы (курантов) и проследить, как проходило заимствование и адаптация к российским условиям европейских информационных технологий.

5) Определить характер влияния, оказываемого иностранной прессой на разные слои русского общества, и выяснить, как переводы иностранной прессы воздействовали на русскую литературу.

6) Показать причины широкой популярности отдельных текстов, заимствованных из европейской прессы.

---

²⁸ Сергеев А.Г. Новонайденное послание Василию Темному // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 124–125.

²⁹ Поляков И.А. «Азбука фряская» князя С. В. Ромодановского и новые списки грамот из цикла «Легендарной переписки турецкого султана» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1. С. 89–99.

³⁰ Базарова Т.А. «Пришла почта ис-под Азова...»: Письма участников Азовских походов (1695 и 1696) в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН // История военного дела: исследования и источники. 2019. Специальный выпуск X. Азовские походы 1695 и 1696 гг. Ч. I. С. 1–22.

³¹ Гуськов А.Г., Майер И. Языки и переводчики: о жизни и деятельности крупнейшего полиглота Посольского приказа Ивана Тяжкогорского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4. С. 62–81.

7) Исследовать связь иностранной прессы с распространением в России культурных практик и технологий Нового времени.

Источниковая база исследования

При подготовке диссертации использованы рукописные и печатные источники из 9 архивов и книжных собраний Российской Федерации (Архив внешней политики Российской империи; Библиотека Российской академии наук. Научно-исследовательский отдел рукописей; Государственный исторический музей. Отдел рукописей и старопечатных книг; Государственный исторический музей. Отдел письменных источников; Российский государственный архив древних актов; Российская государственная библиотека. Отдел рукописей; Российская национальная библиотека. Отдел рукописей; Санкт-Петербургский институт истории РАН (дома Н.П. Лихачева). Научно-исторический архив; Отделе книжных фондов Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника), ряд из которых впервые введен в научный оборот. Всего в ходе работы обследовано 46 архивных фондов. Кроме того, привлечен ряд ранее опубликованных материалов.

Основным источником данного исследования стали отдельные *переводы иностранной прессы*, обзоры иностранной прессы – *куранты*, а также печатные иностранные *газеты*, *календари*, *листовки* и другие издания. В историографии вопрос о выделении прессы в качестве отдельного исторического источника является предметом дискуссии, поскольку на страницах периодических изданий могут быть опубликованы документы самого разного характера. Л.Н. Пушкарев ставил вопрос о допустимости такой классификации в зависимости от решаемых в конкретной работе исследовательских задач³². Поскольку в данной работе основное внимание сосредоточено на вопросах функционирования иностранной прессы и ее переводов, выделение этих документов в отдельный вид источников является

---

³² Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 226–227.

оправданным. Основная часть курантов хранится в современном фонде 155 РГАДА. Документы поступили сюда из архива МГАМИД. В 1950-х гг. часть единиц хранения (начиная с 1720 г.) передавалась в МИД СССР (современный АВПРИ)³³.

Комплекс курантов, связанных с Великим посольством, выявил в различных фондах А.Г. Гуськов. Часть из них попала в Кабинет Петра I. Скорее всего, они изначально хранились среди бумаг императора. Переводы европейских газет, присланных в Великое посольство из Вены переводчиком Адамом Стилем (Свейковским), отложились среди материалов по сношениям с Австрией и Германской империей, а посланные русским резидентом в Речи Посполитой А.В. Никитиным – среди польских дел³⁴. Отдельные переводы иностранной прессы встречаются и в составе фондов по связям России с различными странами³⁵, что в большинстве случаев отражает их реальное хранение вместе с другими дипломатическими документами.

Особый интерес представляют небольшие комплекты переводов иностранной прессы, оказавшиеся вне РГАДА. Два комплекта (1655 г. и конца XVII в.) имеются в ОПИ ГИМ в составе фонда 440 (И.Е. Забелина)³⁶. Комплект 1655 г. опубликован Забелиным в 1880 г.³⁷. Поскольку документы данного типа вне архива Посольского приказа встречаются крайне редко, а у Забелина оказалась целая подборка за разные десятилетия, мы можем с большой долей вероятности предположить, что хранящиеся в фонде Забелина материалы происходят из МГАМИД. В XIX в. другого источника, где можно было бы собрать такую коллекцию, не существовало.

---

³³ РГАДА. Дело фонда 155.

³⁴ *Гуськов А.Г.* Великое Посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005. С. 24, 210; РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Ед. хр. 1. Ч. 2; Ф. 32. Ед. хр. 12 (1697); Ед. хр. 13 (1697); Ед. хр. 49 (1698); Ед. хр. 53. (1697); Ед. хр. 69 (1697); Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 6. (1697), Ед. хр. 3. (1698).

³⁵ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1660 г. Ед. хр. 1, 2; Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 147, 261; Ф. 50. Оп. 1. 1666. Ед. хр. 2; 1700 г. Ед. хр. 5 и др.

³⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 440 (И. Е. Забелина). Оп. 2. Ед. хр. 26 (26/2) Л. 22–34; Оп. 4. Ед. хр. 15 (15/4).

³⁷ *Забелин И.Е.* Куранты или вестовые письма 1655 и 1665 годов // ЧОИДР. Кн. II. 1880. С. 37–46.

Небольшие комплексы подлинных переводов иностранной прессы за 1639, 1672, 1684, 1687, 1689 гг. и их копии XIX в., а также не сохранившиеся в подлинниках копии курантов 1684 г. и 1690 г., выполненные в XIX в., отложились в Рукописном отделе БАН³⁸, куда поступили из коллекции Ф.А. Толстого. Они, вероятнее всего, также попали туда из МГАМИД в XIX в., когда куранты уже вошли в научную моду, а их описание еще не было закончено. Так, на обороте курантов 13 марта 1672 г. имеется помета почерком XIX в. «в куранты 7180», аналогичная тем, что встречаются на документах РГАДА³⁹. В архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН хранятся копии переводов иностранной прессы за 1621–1643 гг., снятые в 1901–1902 гг. в МГАМИД делопроизводителем Н.В. Голицыным (940 л.)⁴⁰.

Вторым по важности источником стали *рукописные книги*. Безусловно, в их составе можно встретить источники самых разных видов. Однако для данного исследования при анализе рукописных сборников наиболее важен вопрос о функционировании интересующих нас документов вне комплекса приказной документации. Рукописные сборники важны для нашей темы, как отражение той среды, в которой не связанные с дипломатической службой люди читали покинувшие приказные стены переводы. Это позволяет в рамках данного диссертационного исследования выделить рукописную книжность, как и прессу, в отдельную группу источников.

Из-за большого объема работы целенаправленный поиск рукописных текстов проводился лишь в собраниях Москвы и Петербурга. В Москве это отдел рукописей Государственного исторического музея (Синодальное собрание, Собрание А.С. Уварова), отдел рукописей Российской государственной библиотеки (собрание Е.Е. Егорова, Музейное собрание, соб-

---

³⁸ ОР БАН. 32.14.11.; 32.14.12; *Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII в. М.; Л., 1952. С. 25; Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 2: Исторические сборники XV–XVII вв. / Сост. А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, В.Ф. Покровская. Л., 1965. С. 324–328. Находящиеся в деле 32.14.11. вестовые материалы 1675 г., скорее всего, не были связаны с курантами.

³⁹ ОР БАН. 32.14.11. № 1. (подлинники). Л. 1 об.

⁴⁰ СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 26.

рание Оптиной пустыни, собрание А.Н. Попова, собрание В.М. Ундольского, Нижегородское собрание), а также рукописные собрания Российского государственного архива древних актов (фонд 181 Рукописный отдел МГАМИД; фонд 187 Рукописное собрание Центрального государственного архива литературы и искусства СССР; фонд 188 Рукописное собрание Центрального государственного архива древних актов; фонд 196 Рукописное собрание Ф.Ф. Мазурина; фонд 375 Исторические сочинения). В Петербурге – отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря, Основное собрание рукописных книг, собрание М.П. Погодина, собрание Русского археологического общества, Библиотека соловецкого монастыря, Новое собрание рукописной книги), отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук (Основное собрание, Библиотека Петра I) и Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Собрание Археографической комиссии).

Остальные источники имеют вспомогательный характер. Они позволяют осмыслить роль, которую переводы иностранной прессы играли в дипломатии и культуре России. Среди них важно отметить *следственные дела*, так или иначе связанные с распространения переводов. В основном они отложились в фонде РГАДА 7 Дела Преображенского приказа и Тайной канцелярии. Одно подобное дело хранится в фонде Разрядного приказа⁴¹. Из опубликованных документов использовались также материалы «розыска» по делу Федора Шакловитого⁴². Материалы следствия позволяют проследить пути распространения изучаемых текстов вне государственных приказов, выяснить, как оценивали и интерпретировали материалы иностранных изданий простые люди, какую роль эти тексты играли в русском обществе изучаемого периода.

Не менее важны находящиеся в РГАДА дипломатические документы – *книги и столбцы Посольского приказа*. Они по-

---

⁴¹ Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. № 18. Дело по извету иноземца Д. Рябицкого на О. Науменка в том, что он умышлял портить и уморить царицу Евдокию Лукьяновну. 18 марта 1642 г. – 20 мая 1643 г. С. 270.

⁴² Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. СПб., 1893.

звolyют установить то, какую роль переводы иностранной прессы играли в работе русской дипломатии. Уже сам факт наличия переводов в одном комплексе с дипломатическими материалами говорит о том, что они были востребованы в дипломатической работе. С этой целью были проанализированы отдельные материалы фондов РГАДА 32 Сношения России с Австрией и Германской империей, 35 Сношения России с Англией, 50 Сношения России с Голландией, 52 Сношения России с Грецией, 64 Сношения России с Лифляндией, Эстляндией и Восточной Финляндией, 74 Сношения России с Пруссией, 79 Сношения России с Польшей, 96. Сношения России с Швецией, а также опубликованные документы по связям России с различными странами⁴³. К этой группе документов примыкает *делопроизводственная документация дипломатических миссий*⁴⁴, а также *описи документов Посольского приказа*⁴⁵ и Тайного приказа⁴⁶. Важные сведения о людях, которые в Посольском приказе работали с иностранной прессой отложились в *делопроизводственных документах* Посольского приказа в фонде РГАДА 138 Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Другая важная группа делопроизводственных документов происходящих из архива Посольского приказа – материалы, связанные с работой почты. Они хранятся в фонде 162 Почтовые дела. Наиболее важная часть данного комплекса опубликована И.П. Козловским⁴⁷.

Нарративные памятники использовались как источник дополнительных сведений о бытовании иностранной прессы в России, так и для интерпретации данных основных источ-

---

⁴³ ПДС. Т. 1–10. СПб. 1851–1871; *Якубов К.И.* Россия и Швеция в первой половине XVII века: Сборник материалов, извлеченных из Московского главного архива Министерства иностранных дел и Шведского государственного архива касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616–1651 г. М. 1897.

⁴⁴ *Ледфорд Ф.* Сборник материалов и документов / отв. ред. Е.Е. Лыкова, сост. Т.А. Лаптева, Т.Б. Соловьева. М., 2006.

⁴⁵ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960; Опись архива Посольского приказа 1626 года: В 2 ч. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1977; Опись архива Посольского приказа 1673 года: В 2 ч. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1990.

⁴⁶ РИБ. Т. 21. Дела приказа Тайных дел. Кн. 1. СПб., 1907.

⁴⁷ *Козловский И.П.* Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. В 2 т. Варшава, 1913. Т. 2.

ников. Привлекались *записки иностранцев*⁴⁸, *русских людей*⁴⁹, *исторические сочинения и памятники летописного характера*⁵⁰. Использовались также *эпистолярные тексты*⁵¹.

Методологические подходы и методы исследования

Методологическую основу исследования составили принципы *историзма и научной объективности*. Базовым принципом ставится научная критика источника. Анализируемые явления рассматриваются на большом хронологическом промежутке времени, что позволяет проследить, как в меняющихся конкретно-исторических условиях сменялась практика использования, функциональное значение и культурное содержание материалов сходного происхождения. Изучаемые явления прослеживаются в их историческом развитии от зарождения до исчезновения или существенной трансформации. Делаются попытки выявить специфические для России исторические закономерности развития изучаемых явлений.

Значимую роль играет *системно-исторический метод* исследования. Изучаемые явления подвергаются *структурно-функциональному анализу*, что позволяет выяснить механизмы

---

⁴⁸ *Витсен Н.* Путешествие в Московию, 1664–1665. СПб., 1996; *Кури Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915; *Московия и Европа.* М., 2000; *О начале войн и смут в Московии.* М., 1997; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003; *Утверждение династии / А. Роде, А. Мейерберг, С. Коллинс, Я. Рейтенфельс.* М., 1997.

⁴⁹ *Богданов А.П.* Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М., 1990; *Нартов А.К.* Рассказы Нартова о Петре Великом СПб., 1891; *Памятники литературы Древней Руси / сост. и ред. Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев.* В 12 вып. Вып. 11: XVII век. Кн. 2. М., 1989; *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951.

⁵⁰ *Летопись самовидада по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого Описания Малороссии» и «Собрания Исторического».* Киев, 1878; *Лызлов А.* Скифская история / под. ред. А.П. Богданова, Е.В. Чистяковой. М., 1990; *Римский-Корсаков И.* Генеалогия явленной от сотворения мира фамилии... Корсаков-Римских / сост. А.П. Богданов. М., 1994.

⁵¹ *Письма императора Петра Великого к брату своему царю Иоанну Алексеевичу и патриарху Адриану: С ответом на оныя и на отзвы боярина и воеводы Алексея Семеновича Шейна, князя Бориса Алексеевича Голицина, и боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева / На ижд[ивении] П.Б. [огдановича].* СПб., 1788; *ПиБ ПВ.* Т. 1–13. СПб., М. 1887–1992; *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.* М., 1993; *Эпистолярное наследие русского резидента в Швеции А.Я. Хилкова (1676–1717). К истории Северной войны. Сборник документов / Сост. С.Р. Долгова, Г.Р. Якушкин.* М.; СПб., 2015.

работы каждого из элементов системы доставки, обработки и использования иностранной прессы в России. Кроме того, рассматриваются их отношения с различными государственными и общественными институтами. В работе учитывались разработанные западными исследователями коммуникационные теории циркуляции информации, посвященные вопросам взаимодействия между государством и обществом в рамках информационной революции. Большое внимание в этом отношении уделяется работе Я.Л. ван Зандена, показавшего тесную связь между развитием информационной революции и наступлением эпохи Нового времени⁵².

Представляется важным использование также и *компаративного (сравнительно-исторического) метода*. В отдельных случаях единственным возможным способом интерпретировать данные XV–XVII столетий становится анализ документов XVIII в., которые дают гораздо более полную и разностороннюю картину изучаемых явлений. Проводятся параллели между тем, как отдельные явления развивались в России и западных странах. В ряде случаев сопоставляются источники разного происхождения, рассказывающие об одном событии (русские и западные), а также сравниваются данные, полученные при использовании различных методик.

Хотя в центре исследования находятся макроисторические процессы, в ряде случаев обращается внимание на то, как эти процессы отражались на микроуровне. При этом используются подходы, разработанные в рамках *истории повседневности и микроистории*. Анализируется непосредственное восприятие текстов конкретными людьми, такими как царь Алексей Михайлович, думный дяк Ларион Иванов, старообрядец Акинфий Сычев. В последнем случае комбинируются подходы К. Гинзбурга, восстанавливавшего мировоззрение человека по его следственному делу⁵³ и Д.К. Уо, делающий это на основе

---

⁵² Zanden van J.L. The Long Road to the Industrial Revolution: The European Economy in a Global Perspective, 1000–1800. Leiden, 2009; О информационной революции в Европе см.: Eisenstein E.L. The Printing Revolution in Early Modern Europe. Cambridge-New York, 2012.

⁵³ Гинзбург К. Сыр и черви. М., 2000.

составленного книжником рукописного сборника⁵⁴. В отношении Сычева оказалось возможным использовать не обширный сборник, а тонкую тетрадку, который бунтарь-старообрядец взял с собой в свой последний путь. На его примере особенно четко видно, как поведение человека может определяться не реальными событиями, а человеческими представлениями о них, как текст влияет на судьбу человека.

При анализе конкретного материала широко используются методы вспомогательных исторических дисциплин. Базовым для работы стало использование *методик архивоведения*, позволивших определить общий характер и степень сохранности изучаемых документов. Утрату значительного числа документов в некоторой степени удастся восполнить с помощью метода *ретроспективного изучения приказного делопроизводства* и обращения к *статистико-математическим* методам исследования. Работа была бы невозможна без применения *палеографических* методик, в первую очередь *почерковедческого* и *филиграноведческого* анализа.

Так как оригиналы исследуемых документов составлялись за рубежом, зачастую в странах, использовавших иной календарь, для исследования переводов оказалось необходимым привлекать методики, разработанные в рамках *исторической хронологии*. Для определения хронологических границ актуальной для российских властей информации были использованы собственные методические наработки автора.

В процессе исследования вопросов распространения иностранной прессы в России использовались *просопографические* методы, позволяющие составить «коллективный портрет» поставщиков вестей для первой половины XVII столетия, а также представителей той социальной группы, в которой переводы прессы были востребованы.

Поскольку исследование имеет историко-культурный характер, неизбежным стало обращение к методам других гуманитарных наук. Для изучения истории текстов широко приме-

---

⁵⁴ Уо Д.К. История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. СПб., 2003.

нялся разработанный в литературоведении метод *текстологического анализа*. Для лучшего понимания и интерпретации текстов использовались методы *герменевтического анализа*. Для изучения содержания курантов использовались основанные на разработках лингвистов традиционные для социологии и политологии методики *контент-анализа*.

При анализе лексики переводов использовался разработанный лингвистами метод *контекстуального анализа*, который позволяет установить особенности функционирования лексем в разных источниках, выявить инновационные сдвиги в смысловом содержании и функционировании лексем. В комплексе с ним использовался *историко-сравнительный метод*, позволяющий на основе сопоставления лексических единиц и лексической семантики слов на разных этапах развития языка, в разные исторические периоды делать выводы о количественном и качественном составе компонентов той или иной лексико-семантической группы в разные периоды, в разных литературных жанрах. Интерпретация этих данных производилась в общих рамках широкого направления, изучающего *историю понятий*.

Научная новизна исследования:

Работа является первым обобщающим диссертационным исследованием истории бытования иностранной прессы в России конца XV – начала XVIII столетия. В научный оборот вводятся не использовавшиеся до настоящего времени источники. В некоторых случаях сделаны значимые уточнения, касающиеся хронологии и обстоятельств появления широко известных источников. Исследование проведено на стыке различных гуманитарных дисциплин. В результате сделан ряд важных выводов, касающихся истории дипломатии, литературы, менталитета, общественно значимых институций и культуры России в целом. В ходе исследования разработаны новые методики источниковедческого и историко-культурного исследования, основанные на методах смежных наук.

Положения, выносимые на защиту:

1. Московское государство было вовлечено в информационный обмен с европейскими государствами со времени его

появления на политической карте Восточной Европы. Однако на протяжении длительного времени (до середины XVII столетия) попадавшие в Москву летучие листки, брошюры, рукописные, а затем и печатные газеты не выделялись из комплекса других источников новостей и воспринимались как часть информационного потока. Материалы прессы смешивались со слухами, которые передавали приезжавшие в Россию купцы, тайными донесениями секретных агентов, официальной дипломатической информацией.

2. Период формирования представлений о прессе, как о специфическом источнике информации относится к 1640-м – 1650-м гг. Круг людей, знакомых с этим явлением на данном историческом этапе, был крайне узким. В него входили люди, занимавшиеся вопросами государственного управления и дипломатией, т.е. политическая элита русского общества.

3. Систематическое обращение к европейской прессе было вызвано необходимостью регулярно получать оперативную и разностороннюю информацию о политической жизни Европы для выработки дипломатической и военной стратегии. В условиях отсутствия постоянных дипломатических представительств России в западных странах европейская пресса оставалась единственным доступным источником требуемых сведений. Составляемые для царя и бояр на основе газетных публикаций обзоры прессы (куранты) в 1660-х – 1690-х гг. оставались важным источником сведений о ближайших соседях и были единственным источником новостей о политических событиях в некоторых государствах, удаленных от российских границ.

4. Для того чтобы удовлетворить потребность российского правительства в новостях западной прессы потребовалось заимствовать и адаптировать к российским условиям европейские информационные технологии⁵⁵, требовавшие трансграничного взаимодействия. По западному образцу была создана и интегрирована в общеевропейскую почтовую систему регулярная почта.

---

⁵⁵ Почту и практические навыки работы с иностранными контрагентами.

5. Использование новой технологии имело как положительные, так и отрицательные последствия. Правительство пошло на крупные расходы. Их удалось существенно снизить лишь несколько лет спустя, когда почтовая повинность была возложена на осуществлявших ямскую гоньбу ямщиков. Кроме того, существование почты поставило русских купцов в невыгодную позицию по отношению к пользовавшимся преимуществами почтовой связи западными предпринимателями. Процесс интеграции почты в экономическую и культурную жизнь русского общества (появление частной переписки по почте) начался лишь в конце 1690-х гг., а сколько-нибудь значимым стал уже в XVIII столетии.

6. Влияние отдельных созданных в Европе текстов на русскую культуру началось еще в XV столетии. Оно выразилось в проникновении единичных документов в рукописные сборники. При этом переводы становились частью литературы. Данный процесс не имел линейного характера. Он мог ускоряться и замедляться, а то и вовсе прерываться. Важные для развития литературы изменения начались ближе к концу XVII в. – из разных текстов стали составляться объединенные общей идеей подборки, а также оригинальные сочинения, ориентированные на западную традицию.

7. Первый выявленный случай массового тиражирования отдельных переводных текстов в виде листков относится к 1660-м гг. Дальнейшее развитие данного явления связано с распространением грамотности, с одной стороны, а также доступности технологий тиражирования (к примеру, лубочной печати), с другой. При этом московские приказы могли стать источником распространения как текстов, одобряемых правительством или нейтральных, так и материалов, тиражирование которых позднее преследовалось властями.

8. Влияние европейской прессы (как целостного явления) прослеживается с 1660-х гг. Однако это влияние было направлено на крайне узкий круг лиц, составлявших политическую элиту русского общества. Оно выражалось в расширении кругозора, знакомстве с новыми понятиями и явлениями европейской жизни, использовании новых слов. Положительные пуб-

ликация о России способствовали складыванию европейской идентичности у политической элиты русского общества. Значительную роль при этом играло противопоставление мусульманского и христианского мира, к которому в отдельных текстах причислялась Россия. Более широкие слои населения влияние европейской прессы стало затрагивать после начала издания петровских «Ведомостей», в значительной мере основанных на переводах европейской прессы.

9. Длительное знакомство московских властей с европейскими практиками Нового времени вело к их переносу на российскую почву. Важнейшим из новшеств стало появление «Ведомостей». Издание первой русской газеты стало возможным лишь благодаря технологиям Нового времени, которые возникли задолго до ее появления – созданному при Иване Грозном книгопечатанию и организованной царем Алексеем Михайловичем почте. Первая русская газета могла существовать лишь при поддержке правительства, поскольку в его распоряжении имелись необходимые для издания ресурсы, а общественный запрос на прессу в начале XVIII столетия был еще слишком низким.

10. Проникновение иностранной прессы в Россию во второй половине XVII в. стало толчком к возникновению ряда практик, характерных для Нового времени. Это перенесение политической борьбы в информационное пространство, обучение подрастающего поколения работе с информацией, проникновение смеха и юмора в письменную культуру.

11. Процесс развития в России информационной революции, являющейся одним из важных факторов становления культуры Нового времени, проходил с существенными отличиями от того, что наблюдалось в Европе. В России роль государства в процессе информационной революции оказалась существенно большей, а общественной инициативы – гораздо меньшей, чем в странах Западной Европы. Начатая Петром I форсированная европеизация государства принципиального влияния на основной тренд развития не оказала. Соответственно и разные стороны самого процесса проявлялись в России с различной интенсивностью: наименее выражено инфор-

мационная революция влияла на развитие общественно-политической жизни страны.

Теоретическая и практическая значимость работы

Диссертация может быть использована при подготовке учебных пособий и лекционных курсов по истории России. Сделанные в ходе исследования фактографические наблюдения и теоретические выводы могут быть востребованы при написании обобщающих работ по истории культуры. Разработанные в ходе исследования методики могут быть востребованы в работах по источниковедению, литературоведению и истории культуры.

Достоверность и апробация результатов исследования

Достоверность результатов исследования обеспечивается характером поставленной проблемы, а также комплексным применением широкого спектра методических подходов, адекватных поставленной задаче, системной работой с материалом источников, их научной критикой. Значительная часть исторических источников принадлежит неопубликованным документам, обнаруженным в 139 делах и рукописных сборниках из 9 архивов и книжных собраний Российской Федерации (Архив внешней политики Российской империи; Библиотека Российской академии наук. Научно-исследовательский отдел рукописей; Государственный исторический музей. Отдел рукописей и старопечатных книг; Государственный исторический музей. Отдел письменных источников; Российский государственный архив древних актов; Российская государственная библиотека. Отдел рукописей; Российская национальная библиотека. Отдел рукописей; Санкт-Петербургский институт истории РАН (дома Н.П. Лихачева). Научно-исторический архив; Отделе книжных фондов Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника), ряд из которых впервые введен в научный оборот.

Результаты исследования прошли **апробацию**. Основные положения и выводы диссертации докладывались и обсуждались в 2004–2020 годах на международных и российских научных конференциях, заседаниях Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН, Центра источниковедения истории

России ИРИ РАН, Центра истории русского феодализма, а также на заседании Ученого совета ИРИ РАН. По теме исследования изданы 93 публикации (128,6) в том числе две индивидуальные монографии (объем 46,5 п.л.) 23 публикации в рецензируемых научных изданиях, указанных в перечне ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, международных базах данных Web of Science и Scopus (объем 26,1 п.л.), а также 68 публикаций в иных журналах и сборниках (объем 56 п.л.).

Структура диссертации определяется задачами и логикой произведенного исследования. Диссертация состоит из Введения, семи глав, заключения и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава посвящена начальному периоду бытования иностранной прессы в России, который продолжался с XV по первую половину XVII столетия. В XV–XVI в Европе не существовало прессы в нашем понимании этого слова. Ее роль играли так называемые летучие листы. Эти издания выходили не регулярно, а в связи с какими-то сенсационными, представлявшими интерес для большого числа людей событиями. Как правило, это были войны, стихийные бедствия, эпидемии. С начала XVII столетия в Европе появляются печатные газеты. И. Майер считает, что первая из них появилась в Страсбурге в 1605 г.⁵⁶ Время от времени подобные материалы попадали в Московское государство.

В разделе показано, что наиболее древние документы, который можно рассматривать как переводы иностранных информационных изданий сохранились в составе рукописных книг. Самый ранний из них относится к 1440 г. По тематическому составу большая часть сведений принадлежала к различным чудесам и пророчествам. Лишь немногие из них, такие, как перевод надписей с гравюры «Еуропа regina» или перевод брошюры с описанием путешествия Магеллана, не связаны с рели-

---

⁵⁶ В-К VI. Ч. 2. С. 27.

гиозной тематикой. Это объясняется тем, что из большой массы поступавших в Москву по дипломатическим и разведывательным каналам материалов, книжников интересовали исключительно редкие тексты духовного характера. Упоминания документов XVI в., имеющих политический характер, присутствуют лишь в описях более позднего времени⁵⁷.

Возможно, что в период нахождения у власти Бориса Годунова внимание русского правительства к интересующим нас материалам постепенно усиливалось. Наиболее ранний случай, когда мы с однозначной уверенностью можем сказать, что в дипломатический отчет включен перевод вестового издания, связан с посольством думного дьяка Афанасия Власьева к императору Рудольфу 1599 г.⁵⁸ Глава русской дипломатической миссии привез в Москву печатную тетрадь с новостями, изданную в Нюрнберге⁵⁹. По своей структуре данное издание не отличается от газет более позднего времени. Единственная разница между ними – отсутствие периодичности.

События Смуты замедлили развитие контактов с Европой. Однако не позднее, чем с начала 1620-х гг., когда Россия восстановилась после потрясений Смутного времени, присутствие иностранной прессы вновь стало фиксироваться в архивах органов государственного управления, в первую очередь Посольского приказа (надо, однако, учитывать, что выстраивать динамическую картину расширения потока вестовых материалов крайне сложно из-за пожара 1626 г., уничтожившего значительную часть документов).

Поставщиками иноземных вестей выступали дипломаты, купцы, порубежные воеводы, правительственные агенты. Доставаемые ими известия затрагивали самый широкий спектр событий европейской политики. Выборка новостей во многих случаях определялась случайными факторами. Чаще всего в качестве транзитного пункта при доставке прессы купцами в документах фигурирует Псков. Однако газеты приходили так-

---

⁵⁷ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 74 и др.

⁵⁸ ПДС. Т. 2. Стб. 656.

⁵⁹ ПДС. Т. 2. Стб. 748–752.

же через Новгород и Архангельск. В числе секретных агентов, доставлявших интересующие нас материал, следует отметить в Швеции Мельхера Бекмана, работавшего на Москву с 1631 г. и рижского секретаря Лаврентия Грелле (с 1642 г.), а в Польше – Микулоша Георки (с 1642 г.) и Назария Краевского (с 1676 г.). Для дипломатов пресса могла выступать как источник информации (наряду с другими вестями), а также как средство очернения противника и давления на партнера по переговорам. Хранились переводы иностранных газет вместе с иными документами дипломатического ведомства.

Тот факт, что обычные публичные новости доставлялись в Россию по разведывательным каналам, свидетельствует о слабости информационного обмена с западными странами. Проанализированный материал показывает, что до середины XVII столетия в России появление европейской прессы осталось незамеченным. Попадавшие в Москву летучие листки, памфлеты, рукописные и печатные газеты воспринимались как часть общего потока новостей, идущих с Запада. По характеру использования они не отличались от устных сообщений, к примеру, расспросных речей купцов, записанных на границе, при въезде в Московское государство. Длительный период первоначального знакомства с прессой был крайне важен. Его результатом стало осознание российской политической элитой того факта, что пресса – это некое самостоятельное явление, отличное от иных форм распространения новостей.

Вторая глава рассказывает о специфическом этапе бытования иностранной прессы в России, когда правительство в середине XVII в. организовало регулярную доставку в страну иностранных газет и составление на их основе обзоров прессы (курантов).

В разделе показано, что при организации регулярной доставки иностранной прессы в Россию наибольшая сложность состояла в том, чтобы обеспечить приемлемую стоимость, скорость и периодичность поступления новостей. Для этого требовались новые технологии передачи информации – регулярная почта, соединенная с почтовой сетью Европы. Для России это было новшеством. В Московском государстве к тому вре-

мени имела система ямской гоньбы, ориентированная на скоростную доставку отдельных корреспонденций, а также предоставление подвод и проводников едущим по государевым делам служилым людям. Для регулярной доставки трансграничной корреспонденции она не годилась.

Возникла необходимость в трансферте технологий, который имеет несколько этапов. Первый из них, знакомство с прессой и осознание ее полезности для русской дипломатии, был пройден уже к середине XVII в. Однако следующий шаг, собственно реализация задуманного, оказался гораздо более сложным. Здесь требовались существенные управленческие, денежные и кадровые ресурсы. Решить эту проблему можно было только на самом высоком уровне. Организовать работу почтовой службы, закупку газет, составление их обзоров на русском языке удалось лишь благодаря усилиям царя Алексея Михайловича.

Для того чтобы на практике реализовать желание Алексея Михайловича регулярно знакомиться с иностранной прессой, ушло больше десятилетия. 18 мая 1665 г. между приказом Тайных дел (органом, который занимался вопросами, интересовавшими царя Алексея Михайловича лично) и иноземцем Яном ван Сведеном (Иван Иванов сын фон-Сведен) был заключен договор об организации почты. Он обязался привозить «вестовые письма всякие Цесарской, Шпанской, Французской, Польской, Свейской, Дацкой, Аглинской, Италианской, Галанской и Недерлянской земель ис стольных городов по две недели, из Турского, из Кизылбашского царств и из Ындеи по времени». Таким образом, политический кругозор правительства Алексея Михайловича охватил не только всю Европу, но и заморские земли, где между европейскими странами шла борьба за колонии. На расходы первому российскому почтмейстеру было выделено 500 рублей деньгами и на 500 рублей соболинных шкур⁶⁰. Три года спустя ван Сведен назвал еще боль-

---

⁶⁰ РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб., 1907. Стб. 1065.

шую сумму годовых расходов на почту – 1200 руб.⁶¹ В основном в Москву доставлялась немецкая и голландская пресса.

В разделе также показано, что почта, созданная для доставки иностранной прессы к царскому двору, оказалась крайне выгодным коммерческим предприятием. В борьбу за нее вступил клан Марселисов, которых позднее удалось вытеснить А.А. Виниусу. При этом почта постепенно превращалась из коммерческого предприятия в государственную службу. Срок доставки газетных новостей укладывался в диапазон между тремя неделями для новостей из Кенигсберга и двумя месяцами для известий из отдаленных регионов.

Попадавшая в Москву по почте пресса не использовалась без предварительной обработки. Из большого объема материалов выбирали нужные московским властям новости, переводили их и компоновали так, чтобы составить удобный для зачитывания подносной экземпляр. Эту работу делали переводчики Посольского приказа. Куранты в разное время составляли Л. Гросс, И. Тяжкогорский, А. Виниус, П. Шафиров. Все составители курантов на определенных этапах своей карьеры привлекались также и к переводу книг. Причем над одним из сложных проектов Гросс, Тяжкогорский и Шафиров работали вместе⁶². Это говорит об их высокой квалификации. Для перевода книг требовалось не только хорошее знание языков, но и широкий кругозор, а также определенный запас знаний и хотя бы минимальные литературные способности. Те же навыки, плюс умение разбираться во внешнеполитических проблемах и знание географии, требовались и при составлении курантов. Как следствие, в число составителей обзоров иностранной прессы из переводчиков попадали наиболее талантливые молодые люди с хорошими карьерными перспективами.

Куранты составлялись один–два раза в неделю. Не позднее, чем со второй половины 1676 г., обзоры иностранной прессы регулярно зачитывались не только царю и членам Ближней ду-

---

⁶¹ Козловский И.П. Первые почты... Т. 2. С. 5.

⁶² Гуськов А.Г. Майер И. Новые данные о переводчике Посольского приказа Леонтии Гроссе // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий. М., 2019. С. 49.

мы, но и на заседаниях Боярской думы. Они оказывались основным источником оперативной информации о военно-политической ситуации в Европе. Практика составления и чтения курантов сохранялась даже в кризисные периоды, такие, как восстание 1682 г.⁶³

После заседаний Думы куранты отправлялись на архивное хранение. Случаи, когда содержащиеся в них новости получали дальнейшее официальное распространение, крайне редки. Точная и достоверная информация о том, что известия курантов распространялись более широко, касается рассылки новостей о вспышках заразных болезней. Такие вести пересылались порубежным воеводам при введении карантина на границе. В архиве использованные куранты хранились единым комплексом. К примеру, в последние годы правления царя Алексея Михайловича они лежали в специальном «шкапе».

В **третьей главе** представлены сведения об информационном потенциале курантов. На примере Швеции охарактеризованы сведения курантов, рассказывающие об одном из важных соседей России. Швеция в рассматриваемый период была не только соседкой России, но также ее торговым партнером и потенциальным противником. Такое положение дел максимально благоприятствовало обмену информацией через дипломатов, купцов, шпионов, эмигрантов и т.д. Используемые для составления курантов газеты издавались значительно дальше от российских границ, чем находились ближайшие крупные города шведской короны и даже ее столица. Тем не менее известия о Швеции занимали в курантах значительное место. При помощи контент-анализа показано, что куранты играли важную роль в «шведском информационном потоке». Они позволяли российскому правительству быстро узнавать об успехах и неудачах шведской армии в годы войны, а также следить за дипломатическими отношениями Швеции с разными европейскими странами. Таким образом, даже когда речь

---

⁶³ Подробнее см.: *Шамин С.М.* Куранты как исторический источник по истории Московского восстания 1682 года: от регентства царицы Натальи Кирилловны к регентству царевны Софьи Алексеевны // *Московия: Ежегодник научных работ. Музея Москвы.* М., 2015. С. 8–27.

заходит о ближайшем соседе России, при всей обширности информационного потока, для курантов находилась своя, уникальная по наполнению, ниша.

Как образец новостей о крупном европейском государстве, которое не имело постоянных прямых контактов с Москвой, взята Франция. Проанализированы документы за двухлетний период (1671–1672 годы), когда прямых дипломатических контактов между Россией и Францией вообще не было. Данный период особенно благоприятен для анализа потому, что в это время разворачивались события, которые связаны с подготовкой и началом Голландской войны 1672–1674 гг.

Исследованные материалы позволяют отметить большую заинтересованность русского правительства в известиях из Франции. Бросается в глаза, что если говорить о темах, которые получили исчерпывающее освещение, то удастся выявить лишь две области интересов – читатели курантов узнавали о подготовке Франции к войне с Нидерландами и ее ходе. Можно предположить, что в Москве интересовались двумя вопросами – какова роль Франции в развитии политической ситуации в Европе в целом и как ее действия влияют на Нидерланды – одного из важных торговых партнеров России. Если же оценивать вес курантов в новостном потоке о французских событиях, то можно с уверенностью утверждать, что для московских властей куранты были самым значимым источником информации.

Для того чтобы проанализировать содержание курантов на микроуровне, выбран регион, имевший периферийное значение для российской внешней политики – территория современной Италии⁶⁴. Она в рассматриваемый период находилась в состоянии раздробленности и не оказывала решающего влияния на политическую жизнь в Европе. Это позволило рассмотреть «итальянские» новости курантов от сводки к сводке, так, как с ними знакомились в Москве члены Боярской думы. В ка-

---

⁶⁴ Шамин С.М. Италия в курантах второй половины XVII столетия // «Друг – зеркало для друга...»: российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв. М., 2013. С. 196–216.

честве примера выбраны относительно полно сохранившийся комплекс курантов за январь–сентябрь 1692 г.⁶⁵

Оказалось, что в это время в курантах целенаправленно освещалась политика Папы Иннокентия XII, поддерживавшего борьбу участников Священной лиги в борьбе против Османской империи, а также рассказывалось о попытке венецианского флота под командованием Доменико Мочениго отвоевать Кандию у турок. Кроме того, значительное внимание уделялось герцогству Савойскому, которое на протяжении большей части XVII столетия находилось вне поля зрения составителей курантов. Особое внимание к региону объясняется тем, что в 1692 г. состоялся поход войск Аугсбургской лиги во главе с герцогом Савойским Виктором-Амадеем II из Италии во французскую провинцию Дофине. Поскольку войны Людовика XIV обычно были завоевательными, то вторжение противника в коренные французские земли вызвало пристальное внимание Посольского приказа.

Таким образом, переводчики Посольского приказа отбирали для курантов итальянские новости по четко очерченным военно-политическим вопросам. Следует обратить внимание на то, что итальянские новости доходили до Москвы за один–два месяца. Быстрее, чем они (хотя бы теоретически) могли быть доставлены по какому-либо иному каналу. Не будет преувеличением сказать, что для большинства итальянских известий куранты оставались безальтернативным источником.

Для того чтобы оценить характер сведений об Османской империи, взяты известия о боевых действиях периода Кандийской войны (1660–1670 гг.), нападении османской армии и ее союзников на владения Речи Посполитой в 1672 г., а также новости «греческой» тематики в курантах 1687 г. Автор сравнил характер и сроки известий доставляемых через прессу с тем, что попало в Посольский приказ от греческих информаторов. Оказалось, что вести с территории Османской империи добивались до Москвы через немецкую и голландскую прессу зна-

---

⁶⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Д. 10. Ч. 1, 2–3.

чительно быстрее, чем напрямую, через приезжих из стран юга и юго-востока Европы.

Сравнивая сообщения греков с известиями из курантов, удалось прийти к выводу, что известия греков были гораздо более информативны, чем материалы европейской прессы. Это не удивительно, поскольку греки часто становились наблюдателями, а то и непосредственными участниками интересующих русское правительство событий. Приезжие греки могли сообщать российскому правительству информацию, оставшуюся тайной для прессы. Они могли не только доставлять сведения, но и осуществлять обратную связь, выполнять какие-то специальные поручения и т.д. Кроме того, рассказы приезжих представляли российскому правительству информацию о том, как происходящие события оценивало православное население Османской империи. Таким образом, говорить о ведущей роли того или иного канала информации в отношении населенных православными греками регионов Османской империи нельзя. Правильно будет сказать, что расспросные речи и куранты дополняли друг друга.

В последнем разделе данной главы рассмотрен весьма специфический комплекс материалов курантов – известия иностранной прессы о России. Приведенные здесь материалы позволяют утверждать, что куранты не только снабжали московские власти информацией о Европе, но также играли роль своеобразного «зеркала», при помощи которого можно было понять, как к Московскому государству относятся в Европе.

В **четвертой главе** рассматривается проблема культурного влияния европейской прессы (в первую очередь, курантов) на политическую элиту России. Анализируются процессы проникновения в русскую культуру новых терминов и понятий. В первую очередь ставится вопрос о появлении в русской культуре самого понятия «газета». Показано, что специальное наименование для газет потребовалось в русском языке для поколения ровесников царя Алексея Михайловича. В конце 1650-х гг. в русский язык было заимствовано два слова – куранты и авизы. Последний вариант оказался маргинальным. Слово куранты, напротив, использовалось систематически.

Однако если говорить о прочности усвоения понятия, то ситуация выглядит сложнее. Сотрудники Посольского приказа устойчиво использовали новую терминологию. Царь Алексей Михайлович и другие представители знати могли использовать также и наименования, характерные для первой половины столетия.

В период жизни поколения детей Алексея Михайловича словоупотребление изменилось. Слово «куранты» начали изменять по числам, кроме того, лексема стала продуктивной, то есть на ее основе стали возникать другие слова. Это свидетельствует о том, что обозначаемое лексемой явление прочно вошло в жизнь тех, кто ее употреблял. Окружение Петра использовало по преимуществу лексему «куранты». Иными словами, словоупотребление, начавшее складываться в Посольском приказе в конце 1650-х гг. стало нормой для придворной знати конца 1690-х гг. В начале XVIII столетия наблюдаем новые изменения. После появления в России газет, число людей знакомых с этим явлением стало расширяться. В результате в языке для именованной прессы закрепились новые слова.

Языковые данные дают нам парадоксальную картину. С одной стороны, русский язык устойчиво воспринял термины, отражающие представления о прессе задолго до начала петровских реформ. С другой стороны, даже на исходе XVII в. число активных носителей этих терминов вряд ли превышало несколько десятков, а пассивных – вряд ли значительно превосходило сотню. С точки зрения исторической науки из этого можно сделать два вывода. Первый из них состоит в том, что влияние прессы было достаточно мощным, чтобы повлиять на повседневное словоупотребление. Особенно сильно пресса воздействовало на людей, чье мировоззрение формировалось в конце 1680-х – 1690-х гг. Второй – круг людей, которые подвергались этому влиянию, до начала издания «Ведомостей» оставался крайне ограниченным. По сути, в него входили только те, кто имел регулярный доступ к одной из двух (позднее трех) копий курантов.

Более широко влияние переводной прессы на русскую культуру в данной главе рассматривается на примере понятий и терминов, связанных с античностью. Фиксируются наиболее

ранные случаи использования в русском языке того, или иного слова, а затем при помощи контекстуального анализа рассматриваются особенности функционирования обозначаемых этим словом понятий. Показано, что куранты и переведенные на русский язык памфлеты выступали одним из значимых проводников сведений об античной культуре в России. Аналогичным образом куранты формировали базовые знания по самым разным областям европейской культуры. Читая куранты, московская знать понемногу превращалась в часть европейской политической элиты.

В заключительной части данной главы показано, что культурное влияние Европы не ограничивалось трансляцией тех или иных знаний. Важную роль играли также оценки России и ее правителей в европейских изданиях. Тот факт, что начиная с 1672 г. Россия почти постоянно (с небольшим перерывом в первой половине 1680-х гг.) вела войну с Османской империей, способствовало появлению положительных публикаций о Московском государстве.

Одним из толчков к началу европеизации России стало возникшее на почве борьбы с османами ощущение единства, базирующееся на общей христианской вере. Особенно ярко это стало заметно во время походов на Азов Петра I. Об этом так или иначе говорили практически все панегирики, прославлявшие русского царя в качестве победителя турок.

Русские и европейские панегирики составили единое информационное поле. Некоторые из них были инспирированы Россией. Однако другая часть текстов, безусловно, отражала искреннюю радость европейских авторов по поводу московских побед. Заметных отличий в содержании панегириков, написанных в России и в европейских странах, не наблюдается. Возможно, Петр и окружавшая его русская знать столько раз в самых разных европейских землях слышали, что Россия – это часть Европы, что постепенно сами начали в это верить.

Пятая глава показывает, как отдельные переводы получали широкое распространение среди грамотного населения. В ней анализируются случаи нелегального распространения текстов в старообрядческой среде («Сказание о двух старцах»), поддер-

живаемое государством копирование агитационных текстов (поддельные послания и указы турецких султанов), а также факты тиражирования нейтральных по своему идеологическому характеру курьезов (сочинение о жестоком графе, обращенном во пса).

Показано, что протестантский памфлет, имеющий в российской научной литературе условное наименование «Сказание о двух старцах», многократно переводился в Посольском приказе, начиная с 1620 г. Однако лишь после того, как в русской православной церкви произошел раскол, списки этого памятника начали покидать приказной архив и тиражироваться в старообрядческой среде в качестве средства антиправительственной агитации. Различные редакции памфлета имели большую популярность среди старообрядцев вплоть до второй половины XVIII в.

Переводы поддельных посланий и указов турецких султанов выполнялись в Посольском приказе с 1621 г. Однако их распространение в книжности началось лишь в период «Азовского сидения» донских казаков. Массовым же этот процесс стал уже после того, как Россия и Османская империя вступили в полосу войн. Копирование переводов европейских памфлетов в России было лишь начала процесса адаптации подобных текстов в русской культуре. Уже в конце XVII столетия московские власти попытались распространять за рубежом тексты, схожие с перепиской султана. Документы связаны с эпизодом русско-турецкой войны 1686–1700 гг., когда в 1697 г. крымско-турецкие войска попытались вернуть потерянную в ходе предшествующих боевых действий крепость Эски-Таван (Тавань) на Днепре, которую защищал русско-украинский гарнизон. 26 ноября 1697 г. официальная информация о прошедшей военной кампании («Выписка о воинском поведении прошедшего лета и осени 205-го и 206-го году») была отправлена из Посольского приказа в Варшаву к находящемуся здесь на резидентстве А.В. Никитину для распространения в Речи Посполитой. Русско-турецкие войны XVIII в. делали пародийные «послания» султанов все более популярными. После того, как отталкиваясь от одной из переработанных версий памфлета

художник И.Е. Репин создал картину «Запорожцы», которая более известна под названием «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», памфлеты этой группы стали органической частью русской культуры.

Памфлет о жестоком графе, обращенном во пса, не имел заметной политической окраски, а лишь в курьезной форме грозил правителям карой со стороны Господа за жестокое обращение с зависимыми людьми. На протяжении последней четверти XVII в. он трижды переводился на русский язык (в том числе, в Посольском приказе). Широкую популярность он обрел лишь в XVIII столетии, когда для него появилась достаточная по своей численности читательская среда. Текст тиражировался в виде лубка. На протяжении XVII–XVIII вв. текст постепенно спустился вниз по социальной лестнице. Если список из Тайного приказа тешил государя, то лубок – простонародье.

Анализ перечисленных текстов показал, что проникновение отдельных переводов из приказного архива в культурное пространство связано с потребностями в них русского общества.

Шестая глава посвящена переводам иностранной прессы, вошедшим в русскую книжность. Представленные в ней материалы показывают, что во второй половине XVI – начале XVII в. переход связанных с прессой приказных документов в рукописную книжность по какой-то причине приостановился. Вероятнее всего, это связано с появлением Посольского приказа, который ограничил доступ к документам со стороны людей, непричастных к дипломатической службе.

Возобновление обмена между канцелярскими документами дипломатического ведомства и рукописными книгами приходится на 1640-е гг. (первый случай относится к промежутку между 1637 и 1641 гг.). Во второй половине XVII столетия (особенно, с начала 1670-х гг.) Посольский приказ постепенно превращается в важный центр русской книжной культуры. Возобновление практики копирования в рукописной книжности переводных приказных документов стало одним из отражений данной тенденции. Встает вопрос об интерпретации отмеченных процессов. Следует учитывать, что основной корпус попавших в книжность новостей составляют знамения, чудеса, известия о

пророках и пророчествах. Лишь ближе к концу столетия появляется интерес к светским сюжетам. С одной стороны, любопытство, интерес к окружающему миру – особенности культуры Нового времени. С другой стороны, перечень тем, которые охватывают уходящие в книжность переводы, в большинстве случаев принципиально не отличается от того, что можно встретить в средневековой книжности.

В контексте книжной традиции следует отметить еще один культурный феномен – тексты «курьезного», занимательного характера, которые в XVII столетии переводились в Посольском приказе в числе деловых документов. В качестве яркой иллюстрации можно привести зачитанный государю памфлет «Рассечение Европы»⁶⁶, где текущая европейская политическая ситуация представлена в виде беседы между странами и правителями, в уста которым вложены строки священного писания. Данный текст является скорее Интеллектуальной игрой, чем источником какой-либо информации. В более позднее время данный текст стал частью книжной традиции⁶⁷. Среди вестовых материалов по какой-то причине оказался даже уникальный для русской литературы XVII в. краткий демонологический трактат⁶⁸.

В **седьмой главе** анализируются явления и практики Нового времени, сложившиеся в России под влиянием иностранной прессы. Первая из них – перенесение международной политической борьбы в информационное пространство. С середины XVII столетия Россия постепенно начала втягиваться в информационные войны. Принципиальным новшеством стала ситуация, когда московские власти решили ответить на вражескую агитацию не дипломатическим протестом или военным походом (война и так шла), а печатными публикациями. Толчком,

---

⁶⁶ Списки см.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 227–234; РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 497; РГАДА Ф. 375. Оп. 1. Ед. хр. 13.

⁶⁷ *Апатов С.В.* Европейский памфлет «Страсти или переговоры в Расшате» в российской столице и провинции 1798 г.: конфликты интерпретаций // Ляпусы и казусы в европейской эпистолярной культуре. М., 2016. С. 226–237.

⁶⁸ *Королев А., Майер И., Шамин С.* Сочинение о демонах из архива Посольского приказа: К вопросу о культурных контактах России и Европы в последней трети XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4. С. 108–121.

подвигнувшим российское правительство к использованию принципиально новых способов борьбы с противником, оказался разгром армии В.Б. Шереметева под Чудновым (1660 г.) в Польше появилось значительное число публикаций об этом событии. Поляки всячески превозносили свою победу и распространяли новости о ней в Европе. Летом 1660 г. англичанин Иван Гебдон, посланный в звании резидента в Голландию и Англию, находясь в Амстердаме, узнал о распространении польских известий про поражение русской армии под Чудновым. Резидент жаловался, что у него нет никакой информации по этому поводу, и просил прислать правдивые известия для борьбы с распространением распускаемых поляками слухов. Это сообщение резидент предлагал «напечатать, и в миру ведомо учинить». Прислал Гебдон и образцы порочащих Россию публикаций. В ответ ему был дан указ о публикации опровержений⁶⁹. С этого времени правительство царя Алексея Михайловича неоднократно реагировало на негативные публикации о России.

В последней четверти XVII столетия объективные условия для ведения информационных войн исчезают. В это время Россия сражалась с Османской империей, что вызывало радость во многих европейских столицах. В этих условиях было достаточно отправлять новости положительного характера через европейцев, по разным причинам заинтересованных в добрых отношениях с Москвой⁷⁰.

Информационная ситуация резко изменилась после того, как в 1700 г. началась Северная война. В этот конфликт были вовлечены ведущие государства севера Европы, и пресса с большим вниманием следила за его развитием. Появилось значительное число публикаций прошведской ориентации, направленных против России. Информационная война вспыхнула очень скоро после начала реальных боев. К концу правления Петра Великого влияние внешнеполитического ведомства Рос-

---

⁶⁹ Гурлянд И.Я. Иван Гебдон. Коммиссариус и резидент. Ярославль, 1903. С. 22, 23, 60, 61, 63, 65.

⁷⁰ Богданов А.П. Внешняя политика России и европейская печать (1676–1689 гг.) // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 26–46.

сии на западную прессу было более сильным, чем в любую последующую эпоху.

Постоянная практика переводов иностранной прессы сыграла также важную роль в возникновении национальной прессы. Куранты постепенно превратились в газету «Ведомости». Решающую роль здесь сыграл указ Петр I от 15 декабря 1702 г., по которому куранты начали печатать для публичного распространения. Астрологические календари, изначально переводившиеся для сугубо практических нужд (политическая и медицинская прогностика), со временем стали играть роль, близкую к альманахам-ежегодникам. Переводы полных текстов календарей оказались предтечей русских журналов. С 1728 г. в качестве приложения к «Санкт-Петербургским Ведомостям» стали выходить «Исторические, генеалогические и географические примечания»⁷¹, публиковавшие различные занимательные сведения. Позднее журналы прочно вошли в российскую культуру. По справедливому замечанию П.Н. Беркова, в течение XVIII столетия «из малозаметного и маловлиятельного факта, каким она была при Петре I, русская журналистика под пером прогрессивных журналистов – Новикова, Фонвизина, Крылова, Радищева, Пнина – превращается в явление, прочно вошедшее в сознание общества и не только отражающее жизнь этого общества, но и серьезно на нее воздействующее»⁷². Причем развитие шло, в первую очередь, за счет журналов с развлекательным и познавательным содержанием. Именно к таким журналам были близки ежегодно составляющиеся астрологические календари. Однако и в конце XVIII столетия удельный вес переводных материалов в русских журналах оставался крайне высоким⁷³. Расцвет же газетного формата происходит еще позже – в XIX столетии.

---

⁷¹ *Мальшев А.А.* Экзотизмы в «Примечаниях к «Санкт-Петербургским ведомостям» // Медиатекст как полиинтенциональная система. СПб., 2012. С. 69–74; *Мальшев А.А.* «Примечания» к «Санкт-Петербургским Ведомостям» как источник картотеки «Словаря русского языка XVIII века» // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2012. Т. 8. № 3. С. 159–170.

⁷² *Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 21.

⁷³ *Симанков В.И.* Источники журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) // XVIII век. Сб. 28. М.; СПб., 2015. С. 323–374; *Костин А.А.* Дивный новый

Еще одним важным явлением, связанным с действовавшей в Посольском приказе практикой перевода иностранной прессы, стало целенаправленное обучение царских детей работе с прессой. Мы знаем, что Федору Алексеевичу куранты зачитывали уже в четырнадцатилетнем возрасте, вскоре после его восшествия на престол. Очевидно, что кто-то из окружения молодого царя должен был, хотя бы на начальном этапе, помочь ему освоить этот сложный материал. К сожалению, сведений о том, кто и как делал это, у нас нет. Первым государем, для которого «доклад» курантов, вне всякого сомнения, принял вид целенаправленного обучения, стал Петр I. Позднее работе с прессой целенаправленно обучали царевича Алексея Петровича и императора Петра II. Знакомство царевичей с прессой подталкивало представителей высшей знати к аналогичному воспитанию собственных детей. Ближе к концу XVIII столетия факты использования прессы в процессе обучения фиксируются уже в элитных учебных заведениях.

В числе проникших в Россию при посредстве иностранной прессы явлений Нового времени исследована также практика включения в книжную традицию переводных «смеховых» текстов. В эпоху Средневековья смех, сатира, юмор оставались достоянием устной культуры. Оказалось, что в русской книжности первыми были востребованы тексты, представляющие собой «вывернутой на изнанку» реальность. Интерес к таким произведениям был характерен для Средневековья. Однако то, что эти тексты начали переходить в литературу, можно рассматривать как первый шаг на пути культурной трансформации, десакрализации письменного текста. Памятники, содержащие сложный интеллектуальный юмор, переводились в Посольском приказе еще в XVII в. Но в книжную традицию они систематически стали уходить лишь в XVIII столетии.

В **заключении** подводятся основные итоги диссертационного исследования. Показано, что, анализируя практику переводов иностранной прессы в России, мы имеем дело с тремя

взаимосвязанными, но все-таки разными процессами. Первый – использование иностранной прессы политической элитой русского общества для решения внешнеполитических проблем. Второй – возникновение на основе иностранной прессы национальной периодической печати, ставшей структурным элементом системы организации русского общества. Третий – влияние иностранной прессы на различные стороны культуры русского общества. Однако изучать эти три явления можно лишь в их взаимосвязи.

Рассматривая вопрос об использовании иностранной прессы политической элитой русского общества для решения внешнеполитических проблем, мы можем однозначно констатировать, что хотя иностранные листовые издания, рукописные, а затем и печатные газеты попадали в руки российских властей с того времени, как они начали создаваться в Европе, представления о прессе, как о некоем специфическом явлении сложились у московских властей лишь к середине XVII в. Толчком к более тесному знакомству с европейской прессой стала ожесточенная борьба с западными соседями. Русскоязычные переводы иностранной прессы (куранты), которые начали составлять при царе Алексее Михайловиче, на протяжении многих десятилетий оставались для русского правительства важнейшим источником военно-политических сведений, необходимых для выработки государственной политики. Это способствовало включению России в общеевропейское информационное пространство. Длительная практика составления курантов оказалась необходимой предпосылкой для появления национальной прессы. При создании газеты «Ведомости» Петр I использовал имевшиеся задолго до него технологии для просвещения общества и внутрироссийской политической агитации. Вне зависимости от намерений московских властей, поступающая Россию и переводившаяся в Посольском приказе пресса оказывала значимое влияние на самые разные слои русского общества. Сильнее всего это влияние затрагивало царя и его ближайшее окружение. Более широкие группы населения до появления газеты «Ведомости» сталкивались лишь с отдельными переводными, которые использовались в целях политической аги-

тации. Некоторые из переведенных текстов проникали в русскую книжность, обогащая ее новыми сюжетами и способствуя развитию литературы Нового времени.

В приложении помещены списки источников, литературы, сокращений.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Монографии:

1. *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011. 392 с. (22 п.л.)
2. *Шамин С.М.* Иностранцы «памфлеты» и «курьезы» в России XVI – начала XVIII столетия. М., 2020. 392 с. (24,5 п.л.)

Статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций:

3. *Алпатов С.В., Майер И., Шамин С.М.* «Рассечение Европы»: русский перевод памфлета «Anatomia Europae» (1672 г.) (продолжение) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1. С. 5–16. (0,6 п.л., авт. вклад – 0,2 п.л.)
4. *Алпатов С.В., Майер И., Шамин С.М.* «Рассечение Европы»: русский перевод памфлета «Anatomia Europae» (1672 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4. С. 5–12. (0,8 п.л., авт. вклад – 0,2 п.л.)
5. *Алпатов С.В., Шамин С.М.* Влияние европейских памфлетов-пародий на формирование русской традиции *parodia sacra* XVII–XIX вв. // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2012. № 2. С. 58–66. (2,5 п.л., авт. вклад – 1,2 п.л.)
6. *Алпатов С.В., Шамин С.М.* Европейский юмор в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4. С. 21–33. (1,2 п.л., авт. вклад – 0,6 п.л.)
7. *Алпатов С.В., Шамин С.М.* Элегии митавских иезуитов в документах великого посольства 1697 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4. С. 96–110. (1,1 п.л., авт. вклад – 0,5 п.л.)
8. *Белянкин Ю.С., Шамин С.М.* «Светящий яростный луч»: русский перевод сочинения доктора Якова Розера о комете 1680–1681 гг. // Древ-

- няя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4. С. 126–133. (1 п.л., авт. вклад – 0,5 п.л.)
9. *Кроль П., Малов А.В., Шамин С.М.* Польский триумф в Варшаве в 1661 г. по случаю побед польско-литовских войск предыдущего «счастливого года»: московский перевод специального выпуска первой польской газеты «Mercuriusz Polski» из архива Тайного приказа // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 350–376. (1,8 п.л., авт. вклад – 0,5 п.л.)
  10. *Кузнецова О.А., Ченцова В.Г., Шамин С.М.* Русские переводы элогиума Христиана Борнманна: Великое посольство Петра I и литература // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2016. № 2. С. 111–125. (1,2 п.л., авт. вклад – 0,4 п.л.)
  11. *Майер И., Шамин С.М.* Обзоры иностранной прессы в Коллегии иностранных дел в последние годы правления Петра I // *Российская история*. 2011. № 5. С. 91–111. (2,2 п.л., авт. вклад – 1,1 п.л.)
  12. *Майер И., Шамин С.М.* Отбор информации для «курантов» и техника перевода в Коллегии иностранных дел в 1720-е годы // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2018. Т. 23, № 2. С. 71–88. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.6> (2 п.л., авт. вклад – 1 п.л.)
  13. *Майер И., Шамин С.М.* Псковское театральное лето 1644 года. Афиша странствующих немецких комедиантов // *Родина*. 2013. № 8. С. 64–67. (0,6 п.л., авт. вклад – 0,3 п.л.)
  14. *Топычканов А., Шамин С.* Перформативная культура российского двора XVII в.: литургические действия, выступления скоморохов и артистов, театр // *Российская история*. 2016. № 6. С. 97–111. (1,3 п.л., авт. вклад – 0,6 п.л.)
  15. *Шамин С.М.* «Eugora regina» и «Европейской страны короли»: карта времен императора Максимилиана I в Московском государстве рубежа XV–XVI в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 1. 2019. С. 146–149. (0,4 п.л.)
  16. *Шамин С.М.* «Легендарная переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом»: к вопросу об источниках памфлета в редакции russian 1683 // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2015. № 3. С. 143. (0,1 п.л.)
  17. *Шамин С.М.* Кусок глины в сердце Мазарини. Петр II, Остерман и «куриозные» куранты 1729 года // *Родина*. 2012. № 8. С. 72–74. (0,4 п.л.)
  18. *Шамин С.М.* На Украине: исключение из общего правила? // *Русская речь*. 2012. № 3. С. 66–71. (0,4 п.л.)
  19. *Шамин С.М.* Неизвестная тайнописная азбука из архива Приказа тайных дел // *Древняя Русь. Вопросы Медиевистики*. 2010. № 2. С. 103–106. (0,3 п.л.)

20. *Шамин С.М.* Переводы иностранной прессы в русской книжной рукописной традиции до начала XVIII века: история изучения // *Российская история*. 2009. № 2. С. 3–14. (1,3 п.л.)
21. *Шамин С.М.* Польский политический памфлет в России XVII столетия: пародийная переделка молитвы «Отче наш» из дела с курантами 1672 г. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2011. № 1. С. 107–111. (0,4 п.л.)
22. *Шамин С.М.* Слово «куранты» в русском языке XVII – начала XVIII в. // *Русский язык в научном освещении*. 2007. № 1 (13). С. 119–152. (2,5 п.л.)
23. *Шамин С.М.* Сопротивляясь реформам: общественные отношения и интересы на пути преобразований в России XVII–XVIII вв. // *Российская история*. 2014. № 4. С. 12–17. (0,5 п.л.)
24. *Шамин С.М.* Формирование внешнеполитических представлений Петра I и куранты 1690–1693 гг. // *Российская история*. 2012. № 4. С. 111–120. (1 п.л.)
25. *Шамин С.М.* Цирк царевича Алексея Михайловича // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 2 (20). Июль–Декабрь. С. 136–151. (1,3 п.л.)
26. *Шамин С., Дженсен К.* Иноземные потешники при дворе первых московских царей // *Российская история*. 2018. № 1. С. 32–46. (1,2 п.л., авт. вклад – 0,6 п.л.)

Статьи в других научных изданиях:

27. *Maier I., Beyer J., Šamin S.* Die Legende vom Ewigen Juden in einer russischen Übersetzung des Jahres 1663 // *Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures*. 2013. № 54. P. 49–73. (0,5 п.л., авт. вклад – 0,2 п.л.)
28. *Maier I., Šamin S.* «Revolts» in the Kuranty of March–July 1671 // *From Mutual Observation to Propaganda War: Premodern Revolts in their Transnational Representations* / Griesse, Malte. Bielefeld, 2014. P. 181–203. (0,5 п.л., авт. вклад – 0,2 п.л.)
29. *Maier I., Šamin S.* Straßburger Mummenschanz im russischen Pleskau im Jahre 1644?: Eine deutsche Schaustellertruppe versucht ihr Glück im Zarenreich // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2016. Band. 64. № 1. Stuttgart. P. 1–25. (1,5 п.л., авт. вклад – 0,2 п.л.)
30. *Šamin S., Watson C.* Вымышленный «Указ турецкого султана»: европейская традиция и русский перевод 1697 г. // *Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures*. 2014. № 55. P. 169–190. (1,2 п.л., авт. вклад – 0,6 п.л.)
31. *Базарова Т.А., Шамин С.М.* Неизвестный список «Калязинской челобитной»: к вопросу о ранней истории и датировке памятника // *Ком-*

- плексный подход в изучении Древней Руси Сборник материалов X Международной научной конференции. Приложение к Журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». 2019. С. 231–232. (0,1 п.л., авт. вклад – 0,05 п.л.)
32. *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий материалы Международной научной конференции. М., 2019. С. 187–209. (1,2 п.л., авт. вклад – 0,2 п.л.)
  33. *Белянкин Ю.С., Шамин С.М.* «Сказание о двух старцах» в редакциях 1694 и 1695 гг.: предсказания пророков с острова Мальты в старообрядческой книжной традиции // Каптеревские чтения–13. М., 2015. С. 159–178. (1,1 п.л., авт. вклад – 0,5 п.л.)
  34. *Белянкин Ю.С., Шамин С.М.* «Сказание о двух старцах»: европейский памфлет и русское старообрядчество в XVIII столетии // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 8. М., 2017. С. 186–200. (0,5 п.л., авт. вклад – 0,25 п.л.)
  35. *Богданов А.П., Шамин С.М.* Природные явления в царствование Федора Алексеевича и человеческое сознание (по газетной информации Посольского приказа) // Историческая экология и историческая демография. М., 2003. С. 239–255. (0,5 п.л., авт. вклад – 0,25 п.л.)
  36. *Корнилаева И.А., Кузнецова А.В., Шамин С.М.* Неизвестный перевод грамоты Папы Климента X в РГАДА // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 5. С. 127–149. (0,8 п.л., авт. вклад – 0,2 п.л.)
  37. *Королев А.А., Шамин С.М.* Стихи в честь прибытия Великого посольства Петра I в Амстердам: литература и дипломатия // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 12 / отв. ред. М.В. Бибииков. М., 2014. С. 52–59. (0,4 п.л., авт. вклад – 0,2 п.л.)
  38. *Королев А., Майер И., Шамин С.* Сочинение о монахах из архива Посольского приказа: К вопросу о культурных контактах России и Европы в последней трети XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4. С. 108–121. (1,5 п.л., авт. вклад – 0,5 п.л.)
  39. *Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* «Годы бедствий» первого российского заводчика Андрея Денисовича Виниуса // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. No 4. P. 984–994. (0,7 п.л., авт. вклад – 0,3 п.л.)
  40. *Майер И., Шамин С.* «Легендарное послание турецкого султана немцам владетелям и всем христианам» (1663–1664 гг.): К вопросу о распространении переводов европейских памфлетов из Посольского приказа в рукописных сборниках // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4 (30). С. 80–89. (1 п.л., авт. вклад – 0,5 п.л.)
  41. *Майер И., Шамин С.М.* Куранты в государевых «походах»: Коломенское: Материалы и исследования. М., 2011. Вып. 13. С. 106–113. (0,4 п.л., авт. вклад – 0,2 п.л.)

42. Рыков Ю.Д., Шамин С.М. Новые данные о бытовании переводного известия о небесном знамении 1672 г. в Венгерской земле в русской рукописной традиции XVII в. // *Историография, источниковедение, история России X–XX вв. Сборник статей в честь Сергея Николаевича Кистерева*. М., 2008. С. 263–308. (2,8 п.л., авт. вклад – 1,4 п.л.)
43. Шамин С. Доба Руїни. Європейська преса про Україну // *Діалог*. № 3. 2002. С. 126–130. (0,5 п.л.)
44. Шамин С.М. «Доношения» воронежского священника Саввы Ивановича Дугина в документах Тайной канцелярии // *Вестник церковной истории*. 2015. № 3/4. С. 97–147. (2 п.л.)
45. Шамин С.М. «И в ту же ночь было трясение великое от Божия разгневания»: переводы европейских известий о землетрясениях и извержениях вулканов в русской духовной культуре XV–XVIII вв. // *Вестник церковной истории*. 2016 № 1/2 (41/42). С. 139–158. (1,2 п.л.)
46. Шамин С.М. «Прокурором и фискалом не быть вовсе»: о проекте передачи функций прокуроров и фискалов духовенству (1731 г.) // *Вестник церковной истории*. 2020 № 1/2 (57/58). С. 154–164. (0,7 п.л.)
47. Шамин С.М. «Сказание о двух старцах»: К вопросу о бытовании еврейского эсхатологического пророчества в России // *Вестник церковной истории*. 2008. № 2 (10). С. 221–248. (1,2 п.л.)
48. Шамин С.М. «Чудо» сопротивляется научному знанию: переводные известия о «небесных знамениях» в русских рукописных сборниках XVI – первой половины XVIII вв. // *Культура и менталитет России Нового и Новейшего времени к 80-летию Анатолия Евгеньевича Иванова*. Институт Российской истории РАН. Москва, 2018. С. 32–42. (0,9 п.л.)
49. Шамин С.М. В ожидании конца света в России (конец XVII – начало XVIII в.) // *Вопросы истории*. 2002. № 6. С. 134–138. (0,5 п.л.)
50. Шамин С.М. Видения священника С.И. Дугина и «пасквиль» на архиепископа Феофана (Прокоповича) 1731 г. // *Вестник церковной истории*. 2019 № 1/2 (53/54). С. 53–91. (1 п.л.)
51. Шамин С.М. Вымышленное письмо султана Ибрагима I Папе Иннокентию X: (Русский перевод немецкого памфлета) // *Вестник церковной истории*. 2012 г. № 1–2. С. 262–268. (0,3 п.л.)
52. Шамин С.М. Выписки о положении дел в Польше после взятия турками Каменца Подольского в 1672 году: о влиянии европейской прессы на русскую книжность // *Русское Средневековье: сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева* / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. М., 2012. С. 852–858. (0,5 п.л.)
53. Шамин С.М. Греческая земля в Курантах XVII в. // *История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке: Материалы конференции*. М., 2010. С. 158–162. (0,5 п.л.)
54. Шамин С.М. Доставка и обработка в Посольском приказе иностранных газет в царствование Федора Алексеевича // *Исследования по*

- источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2003. С. 121–134. (0,7 п.л.)
55. *Шамин С.М.* Европа в представлении политической элиты России (по топонимическим данным документов Посольского приказа 1660–1670 гг.) // Проблемы исторической географии и демографии. Вып. 2. М., 2013. С. 261–275. (0,8)
  56. *Шамин С.М.* Европейская астрология и русское правительство в XVII столетии // Естественная научность в культуре Руси. М., 2005. С. 76–81. (0,3 п.л.)
  57. *Шамин С.М.* Европейский церемониал в курантах времени правления царя Федора Алексеевича // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Тезисы докладов научной конференции. М., 2008. С. 43–48. (0,3 п.л.)
  58. *Шамин С.М.* Известия греческих информаторов о действиях Османской империи и ее союзников в Речи Посполитой в 1672–1673 гг. (По материалам ф. 155 РГАДА) // Каптеревские чтения 7. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 202–208. (0,4 п.л.)
  59. *Шамин С.М.* Известия о греках в курантах в период Морейской войны // Каптеревские чтения 9. Сборник статей / отв. ред. М.В. Бибииков. М., 2011. С. 144–161. (1 п.л.)
  60. *Шамин С.М.* Иностранная пресса в допетровской России (история изучения и современное состояние проблемы) // Проблемы Российской истории. Вып. IV. Магнитогорск, 2004. С. 196–214. (0,5 п.л.)
  61. *Шамин С.М.* Иностранная пресса и интеграция России в европейскую политическую систему (1676–1682 гг.) // Европейское измерение политической истории. М., 2002. С. 40–64. (0,5 п.л.)
  62. *Шамин С.М.* Иностранная пресса о борьбе России и Турции за Украину в 1676–1681 годах. (По материалам курантов) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 138–152. (0,5 п.л.)
  63. *Шамин С.М.* История появления слова «комета» в русском языке // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сборник статей Международной научной конференции, 26–28 сентября 2012 г. / отв. ред. И.М. Шейна, О.В. Никитин. Рязань, 2012. С. 366–372. (0,5 п.л.)
  64. *Шамин С.М.* История слова куранты // Диалог культур: Россия–Запад–Восток. Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения» 15 мая 2012 года. Москва–Ярославль, 2012. С. 85–88. (0,4 п.л.)
  65. *Шамин С.М.* Италия в курантах второй половины XVII столетия. // «Друг – зеркало для друга...»: российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв. М., 2013. С. 196–216. (1 п.л.)

66. *Шамин С.М.* К вопросу о влиянии иностранной прессы на духовную жизнь русских людей в XVII – начале XVIII вв. // Вестник церковной истории. 2007. № 2. С. 139–149. (1 п.л.)
67. *Шамин С.М.* К вопросу о влиянии победы войск Петра I под Азовом (1696 г.) на формирование положительного образа России в Европе (По материалам курантов) // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2009. Вып. 13. С. 377–391. (0,9 п.л.)
68. *Шамин С.М.* К вопросу о частном интересе русских людей к иностранной прессе в России XVII столетия. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2. С. 42–59. (1,9 п.л.)
69. *Шамин С.М.* Кандийская война в курантах 1660–1670 гг. // Каптеревские чтения 6. М., 2008. С. 75–93. (0,7 п.л.)
70. *Шамин С.М.* Кареты в быту русской знати XVII в. // Позднесредневековый город II: археология. История: материалы II Всероссийского семинара, Тула, ноябрь 2007 г. Тула, 2009. С. 206–210. (0,4 п.л.)
71. *Шамин С.М.* Комедия и триумф в русских переводах европейской прессы XVII столетия // Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методический аспекты. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XV Кирилло-Мефодиевские чтения» 13 мая 2014 года. Москва-Ярославль. 2014. С. 195–200. (0,4 п.л.)
72. *Шамин С.М.* Крест над Святой Софией: знамения и пророчества о падении Османской империи в годы войны Священной лиги 1683–1700 гг. (по материалам курантов) // Каптеревские чтения 10. М., 2012. С. 134–143. (0,6 п.л.)
73. *Шамин С.М.* Куранты 1697 г.: литературная составляющая делового документа // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4. Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 257–263. (0,4 п.л.)
74. *Шамин С.М.* Куранты XVII–XVIII столетий в фондах современных архивов // Археографический ежегодник за 2006 год. М., 2011. С. 155–175. (1,7 п.л.)
75. *Шамин С.М.* Куранты как исторический источник по истории Московского восстания 1682 года: от регентства царицы Натальи Кирилловны к регентству царевны Софьи Алексеевны // Московия: Ежегодник научных работ. Музея Москвы. М., 2015. С. 8–27. (1,5 п.л.)
76. *Шамин С.М.* Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1. 2005. С. 23–38. (1,5 п.л.)
77. *Шамин С.М.* Мученик за старую веру Акинфий Сычев (Сысоев) и его историософские взгляды // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская

- Империя и их соседи Материалы международной научной конференции. М., 2016. С. 227–233. (0,4 л.)
78. *Шамин С.М.* Новости о религиозной жизни Европы в русских обзорах европейской прессы во 2-й половине XVII века // Вестник церковной истории. 2009. № 3/4. С. 227–265. (3 п.л.)
79. *Шамин С.М.* Новые данные о карьере Андрея Андреевича Вiniusа: 1664–1674 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXII Международной научной конференции. М. 2019. С. 442–444. (0,1 п.л.)
80. *Шамин С.М.* О неизвестной работе Афанасия Скиады (1724 г.) // Россия и православный Восток: новые исследования по материалам из архивов и музейных собраний: Пятое чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. (Москва, 30–31 октября 2007 г.). Материалы. М., 2007. С. 199–202. (0,4 п.л.)
81. *Шамин С.М.* Описания битвы при Зенте: от курантов к рукописным сборникам // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2019. С. 539–545. (0,7 п.л.)
82. *Шамин С.М.* Отражение античной культуры в лексике русских переводов европейской прессы во второй половине XVII в. // Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени. К 80-летию со дня рождения Владимира Дмитриевича Есакова. М., 2014. С. 41–64. (1,2 п.л.)
83. *Шамин С.М.* Политико-географический кругозор членов правительства царя Федора Алексеевича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (15). 2004. С. 16–31. (1,4 п.л.)
84. *Шамин С.М.* Почта // Экономическая история России с древнейших времен до 1861 г.: Энциклопедия. Т. 2. М., 2009. С. 359–364. (0,4 п.л.)
85. *Шамин С.М.* Рец. на: E. Małek Marcina Stanisława Słowakowica Nowy i stary kalendarz świąt rocznych i biegów niebieskich na rok pański MDCLXXXIX. Próba rekonstrukcji. Warszawa 2017. 120 S // Российская история. 2018. № 3. С. 212–215. (0,4 п.л.)
86. *Шамин С.М.* Россия после Петра I: реакция на преобразования в области языка (по материалам Коллегии иностранных дел) // Русский язык и литература во времени и пространстве: сборник научных статей и докладов к 45-летию Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина / сост. В.В. Молчановский. М., 2011. С. 180–188. (0,5 п.л.)
87. *Шамин С.М.* Торжества и панегирики по случаю взятия Азова в 1696 г. как фактор формирования европейской идентичности политической элиты России // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: к 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М., 2019. С. 290–304. (1,2 п.л.)

88. *Шамин С.М.* Франция и Людовик XIV в курантах (1671–1672 гг.) // История: электронный научно-образовательный журнал. – 2012. – Вып. 7(15): История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды [Электронный ресурс]. – Доступ для зарегистрированных пользователей. – URL: <http://mes.igh.ru/magazine/content/franzia-i-ludovik.html> (дата обращения: 12.07.2020) (0,9)
89. *Шамин С.М.* Церемонии в курантах времени правления царя Федора Алексеевича (1676–1682 гг.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Выпуск шестой (I). М., 2012. С. 35–45. (0,5 п.л.)
90. *Шамин С.М.* Чудеса в курантах времени правления Федора Алексеевича (1676–1682 г.) // Древняя Русь Вопросы медиевистики. 2001. № 4. С. 99–110. (1 п.л.)
91. *Шамин С.М.* Швеция в русских переводах иностранной прессы в XVII в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 2(12). 2012. С. 159–170. (1 п.л.)
92. *Шамин С.М.* Швеция в русских переводах иностранной прессы в XVII в. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 318–322. (1 п.л.)
93. *Шамин С.М.* Экономические сведения о Западной Европе, поступавшие в Посольский приказ через куранты (1676–1681 гг.) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVII вв.: Сборник материалов международной научной конференции. СПб., 2001. С. 119–122. (0,2 п.л.)
94. *Шамин С., при участии Карраса И.* Известия «греческой» тематики в курантах 1687 г. // Каптеревские чтения 8. М., 2010. С. 182–195. (0,8 п.л., авт. вклад – 0,4 п.л.)

Подписано в печать 15.12.20. Формат 60x84/16.
Тираж 100 экз. Заказ № __.

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19